

Эта история началась для меня 15 марта 2014 года, накануне референдума о статусе Крыма. В ту холодную промозглую субботу на улицах Москвы, казалось, было столько же людей, сколько и в обычный выходной день, и никто никуда не спешил, и не происходило ничего особенного. Но где-то у метро, на автобусных остановках, в уютных кафешках собирались тысячи и тысячи людей – собирались, чтобы разделить потом на две части, на два больших митинга. Один, названный с чьей-то лёгкой руки белоленточным, должен был состояться на проспекте Сахарова, и среди моих знакомых ходили слухи, что всем пришедшим на него раздадут по тысяче рублей. О втором, начинавшемся рядом с метро Трубная, я знал мало, но в нём собирался участвовать мой друг и сосед Андрей Вдовин, человек мрачный и суровый, а потому и митинг этот представлялся мне именно таким.

Всю прошлую неделю Андрей возвращался домой за полночь: после работы ходил на специаль-

ные занятия, где их учили маршировать и инструктировали, как себя вести. В политическое движение, организующее митинг, он вступил недавно; первое своё серьёзное мероприятие ждал с нетерпением и не пропускал ни один день подготовки. Его девушка Катя, с которой они жили в соседней со мной комнате, была недовольна тем, что он каждый раз приходит домой так поздно, – сквозь тонкие стены нашей старой съёмной квартиры доносились их крики и взаимные упрёки. Впрочем, на митинг меня звали оба: Андрей, чтобы приобщить к движению, а Катя, боясь остаться там наедине с чем-то непредсказуемым и опасным, всё сильнее затягивающим её любимого к себе. Вчера мы договорились, что Андрей поедет на Трубную раньше – им нужно было провести генеральную репетицию перед митингом, а мы с Катей подойдём к двенадцати часам, к самому началу.

Но, честно говоря, я в то утро не хотел никуда ехать и беспечно радовался свободному выходно-

му дню. Я слышал, как за стеной проснулась Катя, как ходила она на кухню, наверно, чтобы съесть оставшееся у них с вечера пирожное, и как потом вернулась к себе. Я знал Катю давно и догадывался, что она сейчас злится, что Андрея нет дома: ей хотелось, чтобы, несмотря на все дурацкие договорённости, Андрей пропустил бы митинг, сделав ей сюрприз, на который она в тайне надеялась. И от этой несбывшейся наивной надежды ей было сейчас обидно. Понимая эти её мысли и чувства, я смотрел на часы и тревожно прислушивался к шагам за стеной, надеясь, что Катя всё-таки передумает идти, и я смогу с чистым сердцем тоже остаться дома.

Она вбежала ко мне в последний момент, растрёпанная, с пунцовыми от волнения щеками, ещё в домашней одежде, но уже принявшая окончательное решение, теперь владевшее ею целиком.

— Ты встал? Пойдём, пойдём скорее!

Я знал — когда она в таком состоянии, с ней невозможно спорить.

Через полчаса мы уже выходили из метро Трубная. В лицо ударил сильный ветер, и сначала не разобрать было, куда идти. Вдалеке, за аллеей, мы видели колонну людей в чёрных штанах и красных куртках, но вокруг всё было перегорожено. Катя попыталась пройти к колонне напрямик мимо людей в форме, но один из них преградил ей путь и махнул рукой вдоль улицы, — обходить там, поняли мы. Было странно, что нужно двигаться не к хвосту колонны, а вперёд, как бы обгоняя её, но думать было некогда и мы побежали. Меня удивило, что люди, попадавшие на пути, дви-

гались вразнобой, будто и не собирались ни на какой митинг. У киоска с жареными сосисками стояли в очереди несколько человек. Женщина с двумя огромными пакетами грузно двигалась навстречу. И только один сухенький старичок с маленьким флажком стоял у фонарного столба и монотонно повторял вслух, но как бы ни к кому не обращаясь: «Молодцы, ребятки, за русский Крым... за русский Крым...»

Я видел, как торопится Катя, как она волнуется, оттого что остаётся уже мало времени до начала шествия. Но всякий раз, когда нам казалось, что вот именно здесь можно протиснуться и шагнуть на брусчатку, чтобы подождать оставшиеся позади шеренги, а потом влиться в них, на пути возникали те же люди в полицейской форме и так же махали рукой куда-то вдаль.

Наконец остановились на перекрёстке, до первых рядов было уже метров двести. Из-за железных ограждений, тянувшихся по всему предстоящему ей пути, колонна казалась огромной ящерицей, закованной в тонкую броню. Красно-чёрные люди в ней теснились плечом к плечу, и где-то там стоял и Андрей. Я знал, что это шествие очень важно для него, и он сильно переживает, чтобы сегодня всё прошло безошибочно, ведь в этот самый момент враг (он так часто произносил это слово — враг) обязательно наблюдает за их митингом с тревогой и ненавистью, и нельзя дать ему ни единого повода для радости. Наконец мужчина в военной форме, маячивший во главе колонны, резким движением поднёс запястье к своему лицу, видимо, взглядываясь в часы на руке, а потом крикнул что-то

неразборчивое – и тогда двинулись, будто чья-то могучая ладонь толкнула их вперёд...

Сначала маршировали лихо, неотвратно приближаясь к перекрёстку, так что казалось, мокрая мостовая весело хлюпает под их ногами. Флаги в руках людей из первых рядов едва заметно растягивались, и на них можно было различить буквы, золотые на красном, но ещё недостаточно, чтобы прочесть название политического движения. Наверное, всем этим людям хотелось идти быстрее, чтобы название блеснуло в сером промозгом воздухе, чтобы его увидели все вокруг.

Но вот приблизились, и стало заметно, что двигаются неуклюже, тягуче, то и дело разрывая строй. На перекрёстке колонна принялась перестраиваться, чтобы свернуть в узкий переулок на противоположной от нас стороне улицы. С места, где стояли мы, хорошо было видно, как тяжело даётся им это перестроение. Но вот закончили и как-то неожиданно быстро вошли в переулок, где дома навалились на них с обеих сторон. Мы надеялись, что сейчас пройдут красные шеренги, и люди в полицейской форме откроют проход, чтобы мы и ещё несколько человек, стоявших на перекрёстке, смогли бы присоединиться к общему течению. Но тянулись лица, плакаты, транспаранты, а ограждения всё не убирали. На одном из балконов второго этажа висело большое шерстяное одеяло и раскачивалось на ветру медленно и тревожно.

Время от времени Катя растерянно оглядывалась на меня, и я чувствовал, что должен что-то сделать, как-то разрешить эту ситуацию. Но от бессилия мог только сердиться на себя. И вот в

этот момент неожиданная спасительная мысль пришла ко мне – я схватил Катю за руку и поспешно потащил вперёд, но совсем не туда, куда устремилась колонна. Я плохо разбирался в московских улицах, просто интуитивно догадывался, куда нужно идти, а Катя послушно шагала за мной. Иногда в маленьких переулках, пересекающих наш путь, мы как в длинную подзорную трубу могли видеть двигающихся по параллельной улице людей с флагами.

Вдруг оказались на краю огромной площади, окружённой домами, в которую в тот момент, как река, прорвавшая плотину, устремлялся поток митингующих. Первые ряды уже выплёскивались к подножью высокой деревянной сцены на дальнем краю площади, следующие подтягивались к ним. Нас тоже подхватило и понесло, а потом прибило людской волной к стене одного из высотных домов. Мы ещё толком не могли разобраться, куда нам нужно смотреть и что делать, как вдруг в стылом воздухе раздался хриплый голос: это был маленький человек в меховой шапке, стоявший на сцене у микрофона. Я взглянул на Катю и увидел её застывшее искажённое лицо – как же она ненавидела этот голос! Именно им говорили эти политические ролики, которые Андрей смотрел каждый вечер после работы вместо того, чтобы посидеть с ней.

– Бандеровцы провозглашают на Украине новый фашизм, – выкрикивал человек в меховой шапке. – Насаждают его насильственно, репрессивно... Их куцый мозг мутит кровавое вино киевской преступной победы... победы над своим народом, победы над демократией... победы над исто-

рической судьбой... Они рвутся в наш святой город, они рвутся и просачиваются в Москву. И потому здесь мы хотим сказать им... — он сделал паузу, так что пространство вокруг натянулось и стало слышно, как кто-то коротко кашлянул, где-то лязгнуло железное ограждение, ветер вздохнул во флагах. А потом сосредоточением всех этих яростных слов по площади пронеслось надрывное: — В Москве майдану не бывать...

В Москве майдану не бывать, повторили за человеком в меховой шапке сотни людей. Сначала — как-то неуверенно, будто стесняясь своих голосов, слишком разных и нестройных. Но уже в следующее мгновение перестали сдерживаться, и тогда вся площадь закипела: в Москве майдану не бывать... В Москве майдану не бывать... Отдышались, а в это время человек на сцене, не желая медлить ни секунды, продолжал новым порывом; митингующие же мгновенно замерли, с первой секунды почувствовав знакомый напор в хриплых словах, как волки чуют запах своей стаи. Каждый из них читал эти слова раньше на сайтах, в статьях, заметках, порой заранее зная, что именно там будет написано — читал, даже не ради того, чтобы узнать новое, а чтобы напитаться их правильностью и силой.

— В украинском бесчинстве принимали участие граждане России, — он остановился и оглядел собравшихся, и даже по нам, казалось, скользнул его пристальный взгляд. — Повторяю — в украинском бесчинстве принимали участие граждане России. Эти беспредельщики до сих пор учатся у бандеровских карателей искусству убивать и насиловать... Искусству пресмыкаться перед иностранцами

и измываться над беззащитными... Будем ли мы беззащитными, да или нет?

И сам же ответил с хрипом, поддерживаемый сотнями голосов:

— Не будем!

— Будем ли мы растеряны?

— Не будем!

— Будем ли мы разобщены или сплочены?

— Мы будем сплочены! Мы будем сплочены! Сегодня мы сплочены, а завтра будем сплочены ещё больше...

А потом всё смешалось — и нестройные голоса из толпы, и российские флаги, и чьи-то лица вокруг. Рядом с нами стоял мужчина в лёгкой куртке нараспашку, а на шее у него сидела маленькая девочка и без усталости размахивала зелёными резиновыми сапожками. Трое других мужчин рядом показывали пальцами на сцену и смеялись, наклоняясь друг к другу. Женщина в белом платке держала самодельный транспарант из картона: «Здравствуй, Севастополь». Мы попытались протиснуться мимо этих людей вперёд, туда, где стояли первые шеренги, но человеческое море поддавалось медленно — необходимо было поймать попутное течение, чтобы легко преодолеть несколько метров, а потом опять завязнуть. Но всё-таки желанные красно-чёрные ряды постепенно приближались к нам, и всё яснее слышались их резкие дружные выкрики, перекачивающиеся по площади, как эхо в огромном пустом зале.

Очередным спазмом толпы нас вытолкнуло прямо на железные ограждения где-то между четвёртой и пятой шеренгами, но ещё ближе к сцене пробраться казалось уже невозможным. Я видел,

как Катя в смятении оглядывается, безуспешно пытаясь разглядеть Андрея. И вдруг мы одновременно увидели его совсем рядом. Он стоял в третьем ряду, рядом с высоким широкоплечим человеком, державшим флаг, всего лишь в нескольких метрах от нас, напряжённо глядя на того, кто выступал на сцене. Катя изо всех сил замачала ему ладошкой, но Андрей не заметил этого. И я понял, как обидно ей стало, оттого что вот она, столько преодолела, чтобы добраться сюда, а ему всё равно, и он совершенно не волнуется о ней. Тогда, будто проникнувшись общим ожесточением, Катя резко повернулась к человеку на сцене и встала прямо, не сводя с него горячий гневный взгляд. И от вспыхнувшей внутри ярости ей стало даже легче: теперь она больше не чувствовала себя чужой здесь — она знала, кто этот человек, к чему он призывает, знала, как ей относиться к нему и ко всему, что происходит вокруг.

— Мы любим братскую Украину... Мы любим её всем сердцем, это наши братья, и мы обращаемся к ним: слушайте, — с особым наслаждением выговаривал каждый слог хриплый голос, как бы призывая нас остановиться и внимать его словам вместе со всеми, — не верьте тем, кто говорит, что здесь царит ненависть к вам... мы любим вас как братья...

— Мы любим вас как братья, мы любим вас как братья, — как заклинание, повторяли стройные ряды.

— Выстроились, — вдруг прозвучал гортанный голос откуда-то сзади.

— До первого коктейля Молотова, — усмехнулся другой.

Это говорили два молоденьких парня, один из которых держал в

поднятой руке фотоаппарат и снимал митингующих. Катя порывисто обернулась, и мне показалось, она сейчас кинется на них и расцарапает эти румяные молоденькие лица. И уже не понять было, против ли она человека в меховой шапке или против этих молоденьких парней — скорее, против всех людей на этой враждебной площади.

Было пасмурно, затянул мелкий противный дождь. Капельки падали на железный прут ограждения, разбиваясь, а Катя зачем-то всякий раз дотрагивалась пальцами до того места, куда попадала капля. Я видел, что она постепенно успокаивается. Иногда ещё оратор уходил со сцены, и включали старые советские песни, в основном военные, как на демонстрациях из далёкого детства. И тогда во всём этом митинге появлялось что-то деловитое и праздничное. От песен веяло теплом дома, запахом огромного поля, на котором работали отцы и деды. После них даже новые оглушительные слова про нацистскую сволочь и победу русского мира звучали как-то мягче. Первое впечатление прошло, и всё вокруг стало уже привычным. Я подумал, что зря не надел шерстяные носки. А потом увидел, что и Катя замёрзла, и осторожно сказал ей: «Пойдём, посидим немного в кафешке, погреешься». Она кивнула, но потом добавила: «Давай ещё немного побудем здесь...» Я вздохнул от этого её упрямства и продолжал переступать с ноги на ногу, стараясь прогнать стывший воздух из ботинок.

Проходило время, одно выступление сменялось другим, а потом на сцену вновь выходил человек в меховой шапке. Его голос звучал так же громко, но уже без прежнего безумного ожесточения. И

как-то привычно и буднично отвечали ему из толпы. Я не мог согласиться с его резкими словами, но мне отчего-то приятно было, что есть этот человек и эти сомкнутые ряды, и было спокойнее, что среди всех этих людей, так грубо воспринимающих действительность, я могу чувствовать тонко, но в то же время быть защищённым. В толпе, метрах в десяти от нас, два мужика невзначай показывали пальцами на сцену и смеялись, наклоняясь друг к другу, но от них не исходило никакой особенной опасности.

Когда объявили, что митинг окончен, стройные ряды заколыхались взволнованно, будто нарушился внутренний порядок, будто они совсем не репетировали, как будут покидать площадь. И высокому крепкому военному, ходившему вдоль рядов, приходилось несколько раз выкрикивать так, что слышно было даже в толпе: «Флаги передаём направо».

– Ты иди домой, если хочешь, а я ещё подожду Андрея, – сказала мне Катя.

Я кивнул, опять почувствовав в ней ту самую решительность, с

которой бесполезно спорить. Двинулся сквозь толпу, всё ещё неподвижную, не желающую расходиться. А перед тем как спуститься в подземный переход, обернулся и не смог различить Катину фигуру посреди огромной площади.

Когда я оказался в переходе, то опять увидел вокруг множество людей, и мне даже показалось, что это всё те же люди, которые были сейчас на митинге, только теперь они уже не думают ни о России, ни об Украине, а просто торопятся по своим делам. Я вошёл в метро, и они вместе со мной – миновали турникеты, встали на эскалатор, кто-то впереди, кто-то за спиной. Я ехал и вслушивался в разговоры, обрывочные фразы, словно пытаюсь понять, что же на самом деле волнует их, чего же они все хотят, но почти ничего разобрать не мог. Впечатления от митинга ещё теплились во мне – но чем дальше я удалялся от площади, тем отчётливее ощущал, что этих последних часов, может, и не было вовсе, а чёрно-красные ряды, транспаранты, вдохновенный оратор на сцене по странной случайности привиделись мне в воображении...

II

Мы жили вчетвером в маленькой квартирке в Ховрино, снимая её почти даром у нашего общего знакомого, уехавшего на стажировку в Европу. В одной комнате помещались я и ещё один парень, а в другой Андрей с Катей. Они были не самыми удобными соседями, но я хорошо относился к ним, и особенно к Кате, так что всеми силами старался привыкнуть к их частым и громким ссорам.

Квартира была старая, в ней постоянно что-то ломалось – то замок от двери, то кран в ванной; тоненькие дощечки выскакивали из паркета и, попадая под ноги, весело и шумно разлетались по коридору. На звук из комнаты стремительно вбегал Маркиз, Катин кот, и в упоении кидался на первого человека, которого видел. Если это была сама Катя, она тотчас же брала его на руки и принималась настойчиво гладить. Мы с

Андреем обычно просто стряхивали кота на пол, а Рома, четвёртый сосед, ещё и тихо ругался при этом.

Я спокойно относился к неудобной обстановке квартиры. Мне нравилось, что балкон в нашей комнате не застеклён, а на его перилах часто собираются голуби, нравилось, что подоконники находятся на уровне колен, и потому можно стоять у окна, испытывая лёгкое головокружение от взгляда вниз. Но остальные, кажется, постоянно были чем-то недовольны. По вечерам, когда возвращались с работы, ходили усталые и мрачные. А Рома с Андреем вообще не разговаривали: они конфликтовали с первых же дней жизни здесь, но ни тот, ни другой не хотели съезжать, в основном из упрямства, а ещё оттого что обоим было удобно добираться до работы.

Рома был мне понятнее — с ним мы вместе учились в институте и относились друг к другу с той крепкой мужской привязанностью, которой уже не нужны ни какие-то особенные откровения, ни даже частые встречи. После института Рома два года жил у себя на родине в Житомире, и мы почти не общались в то время. А вот теперь, когда он вернулся работать в Москву, сошлись так легко, будто и не разлучались. Нам обоим было комфортно и просто вместе — мы легко разрешали любые противоречия, потому что оба не привыкли ни обижаться, ни отстаивать свои интересы по отношению к близким друзьям.

С Андреем было сложнее. Мы познакомились меньше года назад, а жили в одной квартире всего несколько месяцев. Я знал, что остальные наши друзья и, конечно же, Рома, относятся к нему насто-

роженно, и из-за этой его политической деятельности в ячейке, и потому что он был парнем Кати, которая с давних пор считалась душой нашей мужской компании. Но мне Андрей всегда был симпатичен. Мне нравились его твёрдость и принципиальность, и уязвимость слишком прямого человека, и даже та резкость, которая отталкивала многих. Он был для меня загадкой, которую хотелось разгадать.

В тот вечер после митинга у нас собирались гости — Катя хотела отпраздновать 8 Марта, пусть и с опозданием на неделю, потому что на прошлых выходных у неё не получилось. Квартира наполнилась движением, разговорами, смехом, а Маркиз, обезумевший от всеобщего оживления, носился по коридору из одной комнаты в другую. «Уу, куда пошёл», — грубо хватал его один из гостей, Борис, коренастый спортивный парень, наш давний друг. «Не пугайте Маркиза!» — тут же пронзительно кричала Катя из кухни, а мы с Ромой только смеялись над тем, как кот неловко пытается вырваться из Бориных крепких рук.

На кухне сидели подруги Кати по университету и с весёлым любопытством наблюдали, как она печёт свои любимые блинчики с кленовым сиропом. Обычно Катя почти не готовила, они с Андреем питались полуфабрикатами, но сегодня атмосфера приближающегося праздника вдохновляла её — она бралась за всё: за блинчики, за яблочный пирог, за итальянскую пасту. И только когда неловко принялась разделявать мёрзлый кусок говядины, всё норотивший выскользнуть из рук, Андрей, до того стоявший посреди кухни, не

зная, чем себя занять, решительно отстранил её от стола:

– Так, с мясом я сам... мясо женской руки не любит.

И Катя с радостью отступила.

– Ну, как у вас дела? – настойчиво расспрашивала она подруг, а когда те смущённо пожимали плечами и беспечно переглядывались, начинала рассказывать сама. Ей ужасно хотелось весёлого интересного разговора, неожиданных новостей, ярких впечатлений.

– А мы вчера с Андреем ходили в церковь на службу, – вспомнила она.

– Ну, вообще-то не на службу, – спокойно возразил Андрей, – а чтобы раздать анкеты.

– Да, но мы ещё не знаем, будут ли их распространять, – оживилась Катя. – Нужно ещё прийти через неделю, вдруг священник не даст благословение...

Подруги не совсем понимали, что за анкеты и зачем их раздавать в церкви, и тогда Андрей принимался обстоятельно объяснять им размеренным монотонным голосом:

– Я сейчас расскажу. В рамках нашего движения мы разработали специальные анкеты для мониторинга общественного мнения. Скажем так, в них содержатся все наиболее важные вопросы, например, отношение к ювенальной юстиции и к происходящему на Украине. И теперь важно охватить этим опросом как можно больше людей. Мы отнесли анкеты в церковь, но там нам сказали, что не могут раздавать, пока их не утвердит священник...

– Да, а ещё мы были на исповеди, – заторопилась Катя. – И Андрей тоже!

Андрей сжал губы и недовольно откашлялся.

– Скажем так, – поспешил он поправить Катю, – я не то чтобы исповедовался, я просто говорил со священником. По поводу отношения церкви к сегодняшней политической ситуации...

Было видно, что они уже много раз обсуждали это, но так и не пришли к согласию, и теперь каждому хотелось показать своё.

Я стоял в дверях, прислонившись к косяку, и улыбался, глядя на них. Мне была приятна эта обстановка праздничных приготовлений: весёлое шкварканье масла на сковородке, улыбки подруг, Катина наивная решимость привести Андрея в церковь. Подруги поспешили перевести разговор, а я, взяв в обе руки по большой салатнице, пошёл в свою комнату.

– Но ты же не будешь спорить, что это майдан начал первым? – услышал я ещё в коридоре бодрый боевой голос Бориса.

– Да, первым, – ответили ему глухо и медленно. – Но сменить власть одно, это в каждой стране бывает. А сепаратизм – это уже недопустимо...

В нашей комнате Борис и Рома раскладывали мой письменный стол. Рома сидел под ним и тщетно пытался подвинуть его непослушную ножку, а Борис стоял рядом, поддерживая крышку. Я остановился, балансируя с двумя тяжёлыми салатницами в руках, ожидая, когда они закончат.

– Не скажи! – тем временем не сдавался Борис. – И то, и другое нарушение вашего закона, и тут, кто начал первым, тот виноват!

– Я вообще-то был доволен, когда майдан победил. Надо было просто смириться, и всё бы закончилось...

– Ну, Рома, а работать ты ведь в Россию приехал, – наконец смог

я поставить салаты и выложил тот аргумент, который давно хотел привести ему, но всё не представлялось подходящего случая.

– Я приехал, потому что здесь больше перспектив, чем в Житомире, – ответил тот, вылезая из-под крышки стола.

Мне показалось, что он как-то недовольно взглянул на меня, и я понял почему. Дело было совсем не в событиях на Украине – об этом мы уже давно весело и интересно переговорили, проблема была в соседях и в этом внезапном праздновании. Наверное, он был прав, и надо было садиться в комнате Кати и Андрея, но у нас было просторнее, и я вчера дал согласие Кате, не спросив его. Тем временем из кухни раздавался заливиственный смех, и я поспешил туда за новыми блюдами и тарелками.

Рассаживались осторожно, будто опасаясь шагнуть в глубь нашей комнаты. Рома сел с краю, в пол-оборота к своему компьютеру, лишь изредка деловито поглядывая на остальных. Катины подруги робко устроились на краешке моего дивана, мы с Андреем и Катей продолжали носить подносы с кухни. И только Борис, кажется, чувствовал себя совершенно уютно.

– Салаты мы уже съели, давайте вкусняшки! – кричал он, гордо прохаживаясь вдоль стола, чтобы его услышали и на кухне.

– Приходи сам, – в тон ему отзывался Андрей, а Катя неожиданно вспыхнула:

– Бесит меня Борис! Сам обещал помочь, а только болтает... И Рома, если разобраться, это и к нему пришли гости, – и я с удивлением взглянул на неё, не понимая, шутит она или же сердится всерьёз.

Наконец сели за стол. Сначала ещё открывали вино, накладывали салаты по тарелкам и старались шутить по любому поводу, и потому неловкости почти не ощущалось. Одна из подруг Кати, рыжеволосая Мила, с готовностью улыбалась каждой шутке, а маленькая серьёзная Соня коротко и весомо хвалила рецепты блюд. Но потом чокнулись, пригубили и принялись за еду, и тогда на самом деле стало тихо и как-то неловко.

Проскользнул в комнату Маркиз, выгибаясь всем телом, будто стараясь показать себя во всей красе. Андрей взял его на руки.

– Смотрите, как потолстел, – воскликнула Соня.

– Не потолстел, а немножко поправился, – вступилась за кота Катя. И опять все слишком оживлённо заговорили о Маркизе, чтобы скрыть натянутость, и даже Рома весело пожаловался на то, что тот постоянно будит его по утрам.

Кажется, я один сидел молча – смотрел на знакомые лица, и мне вспоминалось что-то давнее: те времена, когда мы с Ромой и Борисом ещё учились в институте, а Катя была первокурсницей. Она тогда часто приходила к нам в комнату, и мы с Борисом даже оба были влюблены в неё. И теперь, казалось, собрание за одним столом старых друзей должно было вернуть нам обаяние прошлых дней, беззаботных вечерних посиделок за чаем или вином в общезжитии, и сам я подсознательно ждал этого, но чуда возвращения в прошлое не происходило – слишком нарочито было это празднование.

– А мы сегодня ходили на митинг, – вспомнила вдруг Катя. – Андрей стоял прямо в колонне, а

мы с Володей просто рядом. Было очень интересно!

Я удивлённо взглянул на Катю: ей ведь никогда не нравилась политика, и вообще она сильно переживала из-за того, что Андрей состоит в организации, но потом понял – сегодня они первый раз праздновали вместе с Андреем в нашей компании, и ей важнее было, чтобы всё прошло благополучно и завязался бы общий разговор, интересный и нам, и Андрею.

– Что за митинг? – любопытно спросил Борис. – За всё хорошее, против всего плохого?

– За завтрашний референдум в Крыму, – недовольно вставил Андрей.

Мне показалось, что он не очень хочет рассказывать о митинге, боясь, что все воспримут важные вещи слишком беззаботно. Он, наверно, считал, что все здесь знают о его увлечении политикой и, конечно же, не разделяют его взглядов.

– А что вы думаете о событиях в Крыму? – с уважением спросила Андрея Софья, отчего-то на «вы». – Как пройдёт референдум?

– Я не социолог, – нехотя возразил он, – но скажем так, я уверен, что результаты будут однозначные.

– Кстати, представляете, – вмешалась вдруг Мила, немного запинаясь от желания тоже сказать что-то, – по телевизору, не помню, по какому каналу, передавали прогноз погоды, а после Москвы стали объявлять в Севастополе, Донецке и Харькове... Представляете, – она раскраснелась от волнения. Вообще-то мы с Борисом и Ромой хорошо её знали, она раньше часто приходила к нам с Катей, но всякий раз так сильно смущалась, будто бы видела нас впервые.

Все засмеялись, и даже Андрей воодушевился, словно от этого общего веселья получал поддержку себе и своим взглядам.

– Неужели? Ты не перепутала? – недоверчиво переспросил он. – Ну, это добрый знак. Пора показать этим бандеровцам нашу силу! – и вдруг сам смутился своей серьёзности и открытости перед гостями.

– Как хорошо, да? – воскликнула Катя.

Рома же смотрел лукаво, как на добрых детей, которые хоть и милы в своей радости, но всё-таки не могут быть восприняты всерьёз умными людьми.

– А ты как относишься ко всем событиям? Ты ведь с Украины? Тебя не оскорбляет, что мы все так смеёмся? – предупредительно обратилась к нему Соня.

– Меня так просто не оскорбить, – насмешливо ответил он ей, дескать, на таких фанатиков, как Андрей, не обижаюсь.

– Если вам интересно, могу рассказать, как я ездил недавно в Васильевское, – взволновано продолжал Андрей, не обращая внимания на Рому, но напряжённо вглядываясь в остальных, стараясь понять, точно ли кому-то интересно, стоит ли продолжать.

– Что за Васильевское? – спросила Соня, и Андрей раскашлялся, готовясь начать.

– Дело в том, что наш лидер Сергей Владленович Кургузов несколько лет назад купил бывший кирпичный завод и обустроил его силами нашего движения. И теперь два раза в год там проходят наши школы, где обсуждаются важнейшие проблемы, стоящие перед страной. Но в этот раз у нас была в основном спортивная подготовка и стрельбы...

– Стрельбы? – переспросил Борис усмехаясь.

– Да, – ответил Андрей, замечая иронию, но не понимая, что она относится лично к нему. – Скажем так, в наше время нужно быть готовыми ко всему. Ты же понимаешь, какая сложная сейчас политическая ситуация.

В это время Рома, шутливо пожимая плечами, кивнул Соне, дескать, видишь, что за разговорчики, невозможно их слушать, и стал осторожно выбираться из-за стола. Мила неловко поднялась, чтобы пропустить его.

– Следующая цель бандеровцев – Россия, – тем временем, продолжал Андрей. Он не глядел на Рому прямо, но я понимал, что, пожалуй, именно из-за него он так раздражается – ему так хотелось сказать что-то резкое, пока Рома ещё здесь. – В Киеве они только тренировались, теперь они готовятся прийти в Москву...

Он стал увлекаться так, что перестал обращать внимания на других.

– Нам нужно научиться противостоять этому зверью, пусть не с оружием в руках, но всё равно – нужны навыки, и в первую очередь физическая подготовка. Это уже не люди, а зомби. И мы оставим их!

Все молчали, отводя глаза, а я напряжённо смотрел на Андрея, и мне было почему-то жаль его. Он был совершенно инороден нашей компании, такой нескладный в своём стремлении всех наставить на путь истинный.

– В общем, если вам интересно, то приходите на собрание нашей ячейки, – выдохнул Андрей, постепенно остывая. – Они проходят каждую неделю по средам. Я потом скажу вам точный адрес, если хотите.

– Вряд ли, конечно, но спасибо за приглашение, – усмехнулся Борис, а Катя мгновенно обожгла его разгорячённым взглядом.

– И давно вы этим занимаетесь? – опять спасла положение Соня.

– Я всего несколько месяцев, – ответил Андрей твёрдо, как бы желая честно признаться и ничего не скрыть. – И на самом деле ещё очень плохо во всём разбираюсь. Мне нужно много читать и учиться.

Соня кивнула, и все как-то облегчённо обернулись друг к другу и заговорили о чём-то незначительном.

– Давайте горячее, – заторопилась Катя. – Там у нас итальянская паста.

– Что же вы сделали с нашей Катенькой, она уже и готовит, – засмеялся Борис, но весело, без едкости.

– Всегда готовила, – ответила она резко, но возмущение её тоже было почти что шутливым.

За столом началось движение, кто-то что-то перекладывал; кто-то доедал салаты; Катя стала собирать тарелки.

– Не надо, не надо, – остановила её Соня, – давай горячее прямо сюда.

Катя приветливо улыбнулась ей – кажется, она была благодарна подруге и за её незаметную хозяйственность, и за то, что она подерживала Андрея.

– Я принесу, – торопливо вмешался я в общую суматоху и вышел в коридор.

На кухне было свежо и тихо, и только негромко сопел электрический чайник. На столе лежали оставленные в спешке чашки, тёрка, деревянная доска, ножи, а у плиты в кастрюле лежал так и не приготовленный и забы-

тый в суматохе кусок оттаявшего мяса. Рома сидел за столом, глядя в открытую форточку. Услышав мои шаги, он повернулся и коротко кивнул. Я присел рядом, оглядываясь, а потом принялся осторожно отщипывать коротенькие соломки сыра, оставшиеся на тёрке. Пронзительно зашипел чайник, и долго не хотел выключаться. А когда щёлкнул и последний раз выдохнул, стало слышно, как в нашей комнате, понижая голос, говорит Соня:

– Кажется, Рома всё-таки обиделся.

– Прямо сильно? – громко переспрашивала Катя, а потом расстроено вздыхала: – Это я во всём виновата... Не надо было говорить про митинг.

– А мне всё равно, пусть слышит! – донёсся голос Андрея. – Ему полезно. Им, украинцам, как фанатикам, промыла мозг их пропаганда, и теперь они просто не могут адекватно взглянуть на ситуацию.

– Андрей, тише, тише... – заторопилась Катя.

Мы с Ромой встретились глазами и едва заметно улыбнулись друг другу.

– Не надо было изначально заселяться с ними – не испортились бы отношения, – сказал Рома, но была в этих словах и какая-то едва заметная беззаботность, будто всё происходящее действительно не слишком задевало его.

– Думаешь всё-таки съезжать? – осторожно спросил я.

– Ни за что. Теперь уже из принципа, – ответил он, и мы оба негромко засмеялись.

Зашла Мила и остановилась на пороге.

– Прячетесь от грома? – спросила осторожно.

Рома приветливо кивнул ей.

– Не прячемся, а выжидаем.

Я медленно дотянулся до чайника и налил себе полстакана кипятка, а потом принялся потихоньку дуть, отгоняя тонкие струйки пара. Мила присела на краешек свободного стула.

– Ты в магистратуре сейчас? – спросил я её, хотя и знал ответ.

– Да, – с готовностью ответила она. – В этом году защита, – и опять смутилась.

Какое-то время мы ещё сидели, то переглядываясь, то отводя глаза на шкафы, грязные чашки, узоры на кухонных обоях.

– Ладно, что-то я не очень себя чувствую, – наконец сказал Рома. – Пойду пройдусь.

Мила с тревогой взглянула на него, но ничего не сказала.

Мы дождались у порога, пока он обуется, и старались не шуметь, чтобы нас не услышали в комнате. А когда Рома ушёл, ещё с минуту неловко перетаптывались у порога. Я подумал, что всё это очень грустно, но постарался как ни в чём не бывало спросить у Милы:

– Ну что, давай принесём пасту? – и она поспешно кивнула мне.

Когда мы вернулись в нашу комнату, там опять царило оживление.

– Андрей, а точно хватит анкет на всех? – переживала Катя, глядя на листки в руках Андрея, а тот утвердительно кивал ей, продолжая сосредоточенно раскладывать их в ровные стопки на столе.

– Я не буду ничего заполнять, – капризно настаивал Борис, – сколько там вопросов? Тридцать? – переспросил он. – Это вообще-то серьёзная работа, а работа должна оплачиваться.

– Не хочешь, не заполняй. Никто тебя не заставляет! – с обидой и вызовом ответила ему Катя.

– Да нет уж, давайте... интересно, что там у вас, – Борис мгновенно оттаял и принялся листать страницы анкеты, а Катя всё ещё смотрела на него пристально и гневно.

Тем временем Соня взяла свою стопочку и внимательно принялась читать первую страницу.

– Мне кажется, вопросы не совсем корректно составлены, – выговорила она осторожно. – Вот, например, такой вопрос – представим себе, что всем гражданам России гарантировали, что они будут жить, как на Западе, но за это придётся заплатить распадом Российской Федерации, то согласились бы вы лично на такой обмен – разве можно так ставить вопрос? Кто это может гарантировать? Это же совершенно абстрактная ситуация?

– Я понимаю, что нельзя быть точно уверенным, особенно когда гарантии дают иностранные государства, – стал поспешно разъяснять ей Андрей, стараясь иногда смягчать голос, чтобы не быть пристрастным, но железные нотки всё равно прорывались. – И всё-таки постарайся проанализировать... На самом деле это не праздный вопрос – такие планы действительно есть, и мы должны помешать им исполниться. Мы должны показать, как к таким идеям относятся граждане нашей страны. По крайней мере, в здоровой её части.

– Какие лукавые у вас вопросы, – никак не мог успокоиться Борис. – Я лучше не буду отвечать, а то меня потом найдут и скажут, что я нездоровая часть...

– А ты правильно ответь, – в тон ему пошутила вдруг Соня.

Все опять оживились: Борис засмеялся, Андрей стал возражать ему, а Катя снова заволновалась – и только Мила грустно сидела в углу, задумчиво смотря в свой листок, но ничего не отмечая.

– Ну, подожди, – опять принялся спорить Борис, увлекаясь новой мыслью, – он ни в чём не хотел сегодня соглашаться с Андреем и обязательно хотел поддеть его, – вот ты говоришь, что не любишь все эти иностранные государства и так далее...

– Я не говорил так, – возразил ему Андрей. – Я не люблю, когда иностранные государства суют нос в наши дела, устраивают майданы и оболванивают население...

– Ну да, ну да, – поспешно соглашался тот, как бы показывая, что он это и имел в виду. – Но вот, например, Плахотный... Он сейчас живёт в Европе и наверняка против Путина и за украинцев, а вы пользуетесь его квартирой и почти не платите за неё, разве это правильно? Это разве не нарушает какие-то ваши принципы?

– Я не знал этого, – с вызовом ответил ему Андрей и на несколько секунд остановился, пытаясь понять, как реагировать на эти слова.

– Борис, что за глупости, – вмешалась Катя. – Всё это не важно, да ведь? – повернулась она к Андрею, ещё даже не веря, что эти шутки могут быть восприняты им серьёзно. – Мало ли что там думает этот Плахотный!

Но Андрей всё ещё молчал, напряжённо глядя на Бориса, будто пытаясь принять какое-то решение.

– Ну ведь мы не будем из-за этого что-то менять, – продолжала Катя, уже действительно пугаясь и не желая даже произнести

это нелепое «съезжать». А видя, что Андрей по-прежнему нерешительно напрягает скулы, ужасно расстроилась и уже не могла взять себя в руки.

– Володя, ну ты-то почему молчишь? – бросилась она ко мне. – Скажи, это правда, что Плахотный против России?

– Да кто его знает, – выговорил я растерянно, – раньше как-то не обсуждали это... Вроде бы он всегда ругал американцев, – вдруг вспомнил я, и она сразу же обрадовалась этому удачному воспоминанию.

– Правда? Андрей, Андрей, ты слышишь!

– Ладно, действительно, хватит лясы точить, – решительно оборвал весь разговор Андрей, подавлено вздохнул и принялся убирать тарелки со стола.

– Борис дурак, я ему этого никогда не прощу, – тихо выговорила мне Катя, пока никто не слышал.

Я пожал плечами, пытаюсь показать, что и сам не знаю, что это на него нашло.

– Да, атмосферка тут тяжелая... Пойду покурю, пока меня не репрессировали, – тем временем засмеялся Борис и подмигнул мне: – Пойдём тоже.

Андрей продолжал настойчиво убираться, а Катя принялась помогать ему. Соня с нарочитой сердитостью оглядела всех, будто желая сказать – ну что вы, как дети малые, помирились бы лучше.

Мы с Борисом вышли в подъезд, поднялись по лестнице на один пролёт и остановились у закопчённого окошка. Если бы это происходило года три-четыре назад, я мог бы подумать, что он злится на то, что у Кати появился парень, ведь когда-то давно она отвергла его

ухаживания, но сейчас это казалось совершенно нелепым. Также я понимал, что Борис в общем-то согласен с убеждениями Андрея, ведь спорил же он всего два часа назад с Ромой по этому поводу, а значит, дело было именно в самом Андрее.

– Будешь? – спросил Борис с улыбкой, открывая пачку, хотя прекрасно знал, что я не курю.

Но я зачем-то всё-таки взял сигарету и стал машинально вертеть её в руках, так что постепенно распотрошил, а потом просто тёр между пальцами ошмётки табака, напоминавшие деревенское сено.

– Слушай, что же такое происходит с нашей Катенькой? – заговорил Борис напористо, но всё тем же шутливым тоном. – И где она вообще нашла этого...

Я поморщился от резкости его слов и только пожал плечами, стряхивая с пальцев табак.

– На самом деле я давно уже заметил изменения в её характере, и не в лучшую сторону, – продолжал он поспешно. – В последний раз, когда мы с ней общались, ее какие-то непонятные мысли о будущем мира донимали, и, помню, я очень удивился тогда... Понятно, что это Андрей на неё так влияет, но я не думал, что настолько.

– Ты пойми, мне тоже не безразлично будущее мира, – он остановился, чтобы сделать несколько коротких затяжек, и я вдруг подумал, что так отрывисто дышат собаки, – и я тоже не в восторге от этой ерунды, которая происходит у нас сейчас. Но у меня по этому поводу свои мысли, а у нее это явно навязано. Причем я заметил, знаешь, что её мысли как будто боролись с чужим вливанием и проиграли... Ты знаешь, что

она собирается ехать в какую-то «осеннюю школу», видимо, как раз на тот их завод, где стрельбы. А ведь там ей могут окончательно обработать мозг. Может, пора нам спасти нашу Катеньку?

Он говорил это ехидно, так что мне стало обидно за Катю. Я сказал, что ещё не был в их организации, и потому не могу ответить ему точно, но думаю, что это Андрей хочет ходить в ячейку, а Катя, наоборот, пытается вытащить его оттуда. Но всё равно я уверен, что это не секта.

— Хорошо, если так, — ответил Борис недоверчиво, — просто самые опасные секты как раз-таки

не те, где сразу видно, а те, по которым вроде так и не скажешь — правильные вещи говорят, это вы дураки не понимаете... Конечно, я не думаю, что Катя в секте, — торопливо оговорился он, — но и не считаю, что всё это пойдет ей на пользу.

Борис закончил курить и старательно тушил сигарету о пыльный подоконник, а я вдруг так разозлился на него: неужели он думает, что я живу рядом и не вижу всего этого, и не могу позаботиться о Кате, или, может, считает, что он больше меня переживает за неё...

— Ладно, я присмотрю за ней, — сказал я то, что он хотел услышать.

